

Бедные люди / рассказы

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Бедные люди / рассказы • ПРОКЛЯТЬЕ

Никита заходил на третий круг. Левый бок его мок от холодных брызг фонтана, пока сам он игриво покусывал прихваченную из дома котлету на хлебе и глядел по сторонам. В малахитовой чаше под вялой струей, как бегемоты на перевале, плескались откормыши-дети. Девочка прыгала на бетонном бортике и, забрасывая в воду магнит на веревке, воровала чужую удачу и шансы на возвращение. Ее подельник, потерявший на взрослении три передних зуба, ползал под ногами и складывал монетки в стопочки. Рядом, под неокрепшей липкой кряхтел пубертатный мальчик. Бедняжка по локоть застрял в собственной пасти. Судя по разбросанным желто-коричневым фантикам, к зубам его насмерть прилипла ириска.

На ржавой скамейке, раскрыв газету, убаюкивал свою туфлю белоголовый мужчина в лазуритовых джинсах. Вокруг него вились голуби и склевывали с седой бороды крошки. Никита сразу его узнал и теперь едва мог поверить своей удаче. Разобравшись с котлетой, он потер друг об друга ладоши и подкрался сбоку к скамейке.

– Это вы? – спросил он так, будто минутой раньше его душили за углом.

– Ненавижу, – прошипел белоголовый.

– Вы что-то сказали? – Никита продолжал стоять, но теперь слегка нагнулся к собеседнику. Сначала он решил, что ему показалось и что это так хрустнул свежий разворот.

– Говорю, стены вижу.

– Вам плохо?

– А вы врач? – Мужчина глубоко вздохнул и, осознав всю тяжесть своего положения, отложил газету.

– Нет. Позвать кого? Вам плохо?

– Плохо, да. Звать не надо.

Никита долго топтался на месте, но в конце концов, решился и

сел на краешек скамьи.

– Вы на Кубу недавно летали, как вам, понравилось? – спросил Никита, не зная, с чего начать.

– Кто, я?

– Ну да, вы.

– С чего вы взяли?

Тогда Никита вытащил из-под себя утренний выпуск, на который сам незаметно уселся, и ткнул пальцем в заголовок.

– Давайте сразу, – сказал белоголовый. – Это не моя идея. Волосы тоже не мои. Загар искусственный. Фотография – из бара на фотообоях. Пальмы пририсовали.

– Я не понимаю, – растерялся Никита. – Вот же ваше лицо. Сигара, ром, шляпа. Hola!

Океаны. Репортажи...

Белоголовый запыхтел. Он выкатил нижнюю губу и стал барабанить пальцами по коленям.

– Вот скажите, вам как живется? – не выдержал он. – Не тошнит, отрыжки не наблюдается? Как вы в зеркало-то смотрите? Идиоты, ей богу.

Никита покраснелся. Он потянулся было за своим пакетом, но вовремя вспомнил, что котлеты закончились. Зажевать обиду стало нечем.

– Что у вас там за предел мечтаний, подскажите? – продолжал белоголовый. – Целовать, таким, как я, ручки? Падать, черт возьми, в ножки? Внимать, разинув рты? Я ж вам Гитлера прорекламирую, так вы евреев бить пойдете... А, может, всего-навсего, прибавка в тыщ-щц-у? А?

Никита скис окончательно. У этого писаки имелся весьма скверный нрав, о чем общественность, в свою очередь, была хорошо осведомлена, так что Никита постарался не принимать на свой счет. Он решил быстро получить то, за чем пришел, и откланяться.

Белоголовый, завидев в руках Никиты книжку, подскочил так, будто ему кольнули горячим шилом сразу с двух боков.

– Так, значит, вы меня покупаете?

– Уже дважды перечитывал, – отрапортовал Никита.

– И “0, мама, Кубу”?

Никита кивнул. Белоголовый щелкнул ручкой и стал тянуть длинную надпись по всему белому форзацу.

– Как вас там?

– Шампур, – отозвался Никита. – Шампур Никита Никитич.

– Никит Никитич, значит, – цокнул тот языком. – Итого у нас: “С наилучшими пожеланиями, Шампуру Никит Никитичу от Серпомолотова”.

Никита хотел было сообщить, что фамилия его не склоняется, но сдержался. Да и куда ему. Серпомолотову в таких вопросах точно виднее.

– Вы это, не слушайте, что я Вам там в начале наплел, – сказал Серпомолотов, хлопая Никит Никитича по плечу. – Это так, поджелудочная разыгралась. А вы, я хотел сказать, вы... порядочный. Не такой, как они. Разве может такой человек, как Вы, и не быть порядочным, а?

Никита положил книжку обратно в пакет и, сдобренный похвалой, стал потихоньку прощаться.

– У меня завтра лекция в Оливковом саду, – сказал Серпомолотов. – Поговорим о моем путешествии на Кубу. Начало в семь. Придете?

– Конечно, приду.

– Точно придете?

Никита кивнул и довольный побрел обратно к фонтану.

– Действительно, идиот, – буркнул Серпомолотов и, откинувшись на спинку, уставился в небо. – И за что мне это проклятье, господи?

• БИЛЕТЕР

Фома, профессиональный билетер с потливыми ладошами, с недавних пор мучился. Он никак не мог понять, что такое искусство. Подобных мук, как можно с уверенностью заявить, не испытывала даже голова его итальянского тезки-философа. Так даже не мучились люди на остановке, чей маршрут в последний момент отменили.

А началось все с того, что Фома решил сменить работу. За свою недолгую жизнь он, впрочем, уже успел отработать на футбольных

матчах, автобусных станциях, в кассах цирка и местной авиалинии. Теперь же ему предстояло стать контролером на входе в выставочный зал, а по вечерам меняться с напарником и пробивать билеты.

С возложенными на него обязанностями Фома, как и раньше, справлялся на «отлично». Корешки отрывал он ровно, студентов пропускал только по предъявлению документа и успешно выслеживал зайцев. Начальству он нравился.

И все же терзало его смутное беспокойство. Он никак не мог взять в толк, за что здесь с людей брали деньги. Одно ведь дело – остросюжетная беготня по газону или шатровое представление с шимпанзе в юбке, и совсем другое – осмотр каких-то вымазанных краской кругов и квадратов. Ему казалось смехотворным и не менее зазорным требовать плату за возможность взглянуть на развешенные куски картона или застывшие комья глины. Все происходящее в зале выглядело со стороны как одно большое надувательство. Все чаще Фома приходил к той мысли, что деятельность эта незаконна и что он, сам того не ведая, участвовал в преступном сговоре. Тревога нарастала, ладоши потели сильнее. Попытался Фома честно и без посторонней помощи найти ответ. Что такое, в самом деле, искусство? Он вспомнил про искусство кулинарии, боевые искусства, искусство ораторского мастерства, но с этим, похоже, тут обнаруживалось мало общего. Может, это такой же товар, как мыло или свиная вырезка? Иногда ведь картины и покупали... Нет, решил Фома, не могло же быть так все просто! Стыдно стало ему за такие мысли, совестливо.

Вскоре он потерял аппетит и здоровый сон. Теперь уже точно Фома чувствовал себя соучастником. Во что бы то ни стало, требовалось ему раз и навсегда разрешить этот вопрос. Отбросив ненужную робость, он стал выхватывать из толпы случайных посетителей и немедля требовать разъяснений.

– Шедевр, – испуганно шептал один, снимая с рукава билетерскую руку.

– Возвышенно, – лепетали другие, не столь пугливые.

– Творческий гений! – заявляли совсем уж бесстрашные.

Ни один ответ, впрочем, Фому не удовлетворил. Ему хотелось

ясности в этом деле, но он так и не смог ее ни от кого получить. Тогда, выследив посетителя с самым благосклонным лицом, он подкрался к нему со спины и попытался застать врасплох.

– Шедевр, – безразлично повторил тот.

Фоме не оставалось ничего, кроме как броситься под ноги и, бормоча что-то про тюремную робу, молить о пощаде.

– Ладно, – сжалился человек с благосклонным лицом и оттащил его в дальний угол, где никто бы не мог их услышать.

Фома встал и, отряхнув свой приличный пиджак, принялся слушать со всей ответственностью. Сейчас все должно решиться.

– Вы что и, правда, не знаете? – шепотом сказал посетитель. – Все просто. Искусство – это деньги.

Что бы это ни значило, но от сердца у билетера, наконец, отлегло. Фома расцеловал отзывчивого незнакомца в обе небритые щеки и побежал обратно на свой пост. Теперь со спокойной совестью он мог снова заступить на службу. Никакой он не мошенник.

Оказалось, и стыдиться-то нечего!

• БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Несчастные, бедные люди!

Лавашиков и сам уже точно не знал, зачем сюда пришел.

Слева на переезде вагоны тащились под бойкую трель одноглазого светофора, и этот застревающий в мозгах звон дразнил резидентов кирпичного психдиспансера через дорогу. Они лезли на решетки и, крича в сердцах свое ревностное «Алло!», безуспешно пытались разговорить небеса. Сами же Лавашиковы топталась на маленьком пяточке между рекламной растяжкой ЖК «Игумен» (с личной церковью во дворе) и ЖК «Узурпатор» (без церкви, но с охраной на территории). Судя по всему, многие принимали это место за кладбище. Пластиковые венки, маковые сушки и горы «Маскарадной ночи» лежали вокруг крестов и надгробий.

Но вообще, здесь никогда и не было кладбища. Контора ритуальных услуг не стеснялась демонстрировать свой товар в

естественной обстановке, и ее могли выдать разве что оранжевые ценники, аккуратно приклеенные к спинке каждой могильной плиты. Лидочка, жена Лавашикова, к тому времени изрыдалась вся досуха и теперь только вздрагивала на плече мужа. Ее старенький дедушка два дня как стыл в морге.

Они прождали еще около получаса, прежде чем из железного ларька напротив к ним вышел продавец. Выглядел он, как и все в его меланхолично-слезливой сфере, тоскливо. Отвисшие колени спортивных штанов вкупе с застиранным свитером – священный тандем для любого специалиста по похоронным карнавалам, придерживающегося своего собственного, уникального стиля.

Он подошел к Лавашиковым, запустил руки в карманы и принялся что-то такое там колдовать – то ли сворачивать фигу, то ли семечку колупать, то ли просто сжимать кулаки. – Неа, – сказал он, и изо рта его вышел спертый, настоявшийся дух всего выпитого за эти долгие годы. – Сломался сканер. Придется выбирать из этих.

– Мы заказывали из мраморной крошки, с овалом под фото, – злился Лавашиков. Это было его пятое бюро за день. – А здесь таких нет. У меня номер заказа на руках. Зачем вам сканер?

Тогда работник вытащил одну руку из кармана и защелкал пальцами перед собственным носом.

– Ну не сканер, а этот. Принтер, понимаете? Не распечатать. Еще вас в журнал занести надо, а его затопило.

– Послушайте, касса ведь работает. Будьте так любезны, выдайте нам надгробье.

Лавашикова снова зашлась от слез. Она пустила на щеки две черные тушевые заводи и захлюпала, как канализационная труба. Высокий пучок ее грязных волос, похожий на диковинный фрукт, противно зашевелился на голове, будто ловил космические частоты. – Не могу, – настаивал работник. – Мы всегда в журнал заносим. А журнала нет, понимаете?

Лавашиков понял, что дело то мертвое и поволок зареванную жену за собой, между рядами надгробий и крестов. Он подводил ее к каждой плите и просил, как следует, приглядеться.

– А может, вот этот? – умолял он, приподнимая ее подбородок. – Ну и что, что без крошки? Оладушек, будь добра, посмотри.

Дедушке бы точно понравилось.

Но оладушек лишь сильнее впадал в истерику. Его согнуло пополам, а изо рта стали выпадать страшные рыки. Лавашиков забегал вокруг нее, тужась подобрать нужные слова.

– У вас вай-фай есть? – спросил он у работника, жующего семечку на чугунной лавочке.

– Интернет?

– Да.

– Есть, да, для работников.

– Дайте.

– Не дам. Как я могу вам его дать? Он для работников.

Лавашиков попросил Лидочку успокоиться, но она, похоже, совсем его не слушала.

– Да что ты ревешь? – Он взял ее за плечи и принялся вытряхивать всю ее печальную душу.

Лидочка на секунду замерла от испуга. Но стоило ей взглянуть на поле, усаженное крестами и бетонными плитами, как слезы сами стали топить ее синий рот.

– Дорого, боже! Как дорого! – закричала она и, отчаявшись, припала лицом к лакированной плите.

Но этого уже никто не услышал. Зазвенел светофор, и психдиспансерцы снова полезли на решетки. Прозванивать небеса.

• ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Попал как-то Собачкин в книжный магазин. Читать и писать он, по правде говоря, не очень любил – как-то с детства у него не сильно заладилось. То есть писать это он еще мог, формы там всякие по долгу службы, но читать, конечно, совсем было невмоготу. Но не стоит судить свысока. С кем не бывает.

Так что это вообще он не туда шел. На весенней туфле его сильно скрипела резиновая набойка, и вот по такому важному делу он направлялся тогда в обувную мастерскую. А когда он, наконец, дошел, то понял, что на месте ее открыли уже магазин. А сами сапожники съехали. Разве что запах подошв остался. Такая вот неудача.

Ну и, думает он, зря что ли шел. Решил Собачкин тогда взять

какую-нибудь книжонку, но дабы себя обезопасить от лишних огорчений, кои часто вызывают свежие мысли, ухватил он с последнего ряда чеховского «Дядю Ваню», которого знал еще по школе. Дома у него тоже какая-никакая литературка имелась, но вся она была занята в хозяйстве – держала там ножку холодильника и хорошо шла на розжиг дачного костра. Собачкин, стоит отдать должное, всегда оставался мужчиной практичным.

И вот, оплатив товар, побрел он со своей туфлей обратно домой. И что-то так неожиданно проняло его любопытство. Хоть в школе он пьесу ту и читал, но многое успел позабыть. И так он об этом серьезно задумался, что у дома угодил даже головой в козырек детской коляски. Старуха-дачница укачивала в ней свою рассаду и чуть не умерла от испуга.

Оказавшись в квартире, Собачкин тут же сел в кресло и принялся за дело. Каково же было его удивление, когда на второй странице ему пришлось стать свидетелем такого, мягко сказать, странного диалога:

СОНЯ. Мы завтра поедem в лесничество, папа. Хочешь?

ВОЙНИЦКИЙ. Господа, чай пить!

СЕРЕБРЯКОВ. Друзья мои, пришлите мне чай в кабинет, будьте добры! Мне сегодня нужно еще кое-что сделать. И непременно «Ахмад», будьте добры.

СОНЯ. Вам с лимоном?

СЕРЕБРЯКОВ. Разные у них вкусы бывают – лимон, имбирь, благородный Цейлон. Мне душистый чабрец, пожалуйста.

СОНЯ. (Наливая чай.) А в лесничестве тебе папа непременно понравится.

Сначала подумалось Собачкину, что он сам чего-то запомнил, но на всякий случай решил перепроверить. Под конец первого действия, однако, все повторилось.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА. Мне уже говорили, что вы очень любите леса. Конечно, можно принести большую пользу, но разве это не мешает вашему настоящему призванию? Ведь вы доктор.

АСТРОВ. Одному богу известно, в чем наше настоящее призвание. И центру карьеры и профориентации «Рысь». Замечательное место.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА. Что-то, голубчик, позабыла. Это где?

АСТРОВ. Ну чего же Вы так? На Таврической, 17. Вход со стороны

универмага.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА. И интересно Вам? АСТРОВ. Да, дело интересное. И тут Собачкин конечно сильно разозлился. Возмутило его до глубины души. Это же надо, на самого Антона Павловича покуситься! Ни грамма стыда, ни килограмма совести. Во что бы то ни стало, в магазин он тотчас же решил вернуться и поставить наглецов на место. Тем более что ботинки ему не надо было зашнуровывать. Обуви он не снял. Вот если бы надо было, это, может быть, он бы и передумал.

Через пятнадцать минут Собачкин уже стоял у кассы и, отодвинув локтем очередь, размахивал своим экземпляром, тыча указательным пальцем в рекламные тексты.

– Вы это что, обезумели? И как это я, извините, должен читать?

– Так Вы бы сразу сказали, – невозмутимо ответил кассир и нырнул куда-то под стойку. – Вот, пожалуйста. У нас и без рекламы имеется.

И только Собачкин потянулся к книге, как черные от расчетов пальцы ее спешно перехватили.

– Сто двадцать рублей к доплате, пожалуйста.

– Но это...

– Иначе никак, – развел руками кассир. – Тяжелые времена. Издательствам тоже на что-то жить нужно.

И тут Собачкин понял, что лучше бы он этого дела и вовсе не затевал. Никогда ведь с литературой у него ничего путного не выходило! То был последний раз, когда Собачкин брал в руки книги.

Об авторе: КСЕНИЯ ЮРЬЕВИЧ

Родилась в г. Ржев Тверской области. Закончила СПбГПУ им. Петра Великого. Автор в журнале «Мост». Ведет полемику о современном искусстве на площадке Инстаграм. Живет в Санкт-Петербурге. Neкаýaġar